

Политика

Становление Китая как ответственной глобальной державы

© 2009

В. Портяков

Прослежены генезис и объективные основания для самоидентификации Китая как ответственной глобальной державы. Дана оценка влиянию Запада на этот процесс. Рассмотрены особенности концептуального подхода Китая к своей глобальной ответственности и основные сферы ее практической реализации на современном этапе.

Ключевые слова: Китай, ответственная глобальная держава, процесс становления, влияние Запада, объективные основания, концепция, сферы реализации, перспективы.

Заметно возросшая в первом десятилетии XXI века внешнеполитическая активность Китая сопровождалась выдвижением в Пекине целого ряда концепций, призванных наглядно показать мировому сообществу главные ориентиры, формы и методы деятельности страны на международной арене на современном этапе и в обозримой перспективе. Так, широкий международный резонанс вызвали концепция "мирного возвышения" Китая и пришедшая ей на смену формула "мирного развития" страны, а также озвученный председателем КНР Ху Цзиньтао в 2005 г. призыв к созданию "гармоничного мира". Широкое обсуждение этих весьма масштабных идей, явно претендовавших на длительное нахождение в геополитическом мейнстриме, на какое-то время оставило в тени тот факт, что параллельно и в самом Китае, и за рубежом стали все настойчивее раздаваться голоса о необходимости для КНР, вышедшей на позиции одного из лидеров глобальной экономики, взять на себя больший, чем ранее, груз ответственности за состояние дел в мире. И хотя в политическом лексиконе китайской дипломатии характеристика КНР как "ответственной державы" впервые появилась еще в 1999 г.¹, однако, похоже, лишь в самое недавнее время, взвесив все "за" и "против", официальный Пекин согласился с определением Китая как ответст-

Портяков Владимир Яковлевич, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора ИДВ РАН, главный редактор журнала "Проблемы Дальнего Востока". Тел.: 8 (499) 129-08-66; E-mail: portyakov@ifes-ras.ru .

Подготовлено при содействии РГНФ, проект № 09-03-00048а/р.

венной глобальной державы, предпочитая, впрочем, использовать уточняющую дефиницию КНР как “ответственной крупной развивающейся страны”. Например, именно такую формулировку употребил министр иностранных дел КНР Ян Цзечи при ознакомлении представителей СМИ с результатами участия председателя КНР Ху Цзиньтао в ряде саммитов ООН и 3-ем финансовом саммите “Группы 20” в США в сентябре 2009 г.² Кроме того, в статье о 60-летию дипломатии Нового Китая в ведущей газете страны “Жэньминь жибао” Ян Цзечи включил “неукоснительное исполнение международного долга и несение международной ответственности” в число основополагающих принципов внешнеполитической деятельности КНР³.

Процесс осознания Китаем своего статуса как глобальной державы был длительным и непростым.

В первые два десятилетия существования Китайской Народной Республики ее международно-политическая деятельность носила весьма ограниченный характер. Восстановление в 1971 г. законного места КНР в Организации Объединенных Наций создало предпосылки для более активного участия страны в международной жизни, однако они не были в полной мере реализованы из-за внутривластной нестабильности и собственного изоляционистского экономического курса.

Ситуация начала меняться с поворотом Китая в конце 1978 г. к проведению политики модернизации, реформ и открытости. В 1980 г. КНР стала членом ведущих международных финансовых институтов — Всемирного Банка и Международного валютного фонда. Нарастание масштабов внешней торговли, первый опыт привлечения иностранных инвестиций и создания предприятий с участием иностранного капитала выявили необходимость адаптации внутреннего экономического законодательства и правил регулирования внешнеэкономической деятельности в Китае к общепринятым международным нормам. Это побудило КНР подать в 1986 г. официальную заявку на присоединение к ГАТТ — Генеральному соглашению о тарифах и торговле.

С начала 1980-х гг. КНР стала выражать принципиальную поддержку миротворческим операциям, осуществляемым под эгидой ООН. Ее официальная заявка на членство в Специальном комитете ООН по миротворческим операциям была одобрена 43-й сессией Генеральной Ассамблеи ООН в декабре 1988 г. С ноября 1989 г. КНР начала практически участвовать в операциях миротворческих сил ООН⁴.

Как полагает ряд китайских экспертов, настоящей “точкой отсчета” нарастания глубины и разнообразия форм участия Китая в жизни международного сообщества явилось завершение “холодной войны”⁵. Более того, Китай из страны, доселе бросавшей вызов существующей международной системе или занимавшей позицию стороннего наблюдателя, начал превращаться в “активного участника и строителя” этой системы, демонстрирующего на международной арене образ ответственной державы⁶.

К интенсификации самых разнообразных международных контактов Пекин подталкивало как принципиальное расширение масштабов внешнеэкономической открытости страны, старт которому дала знаменитая поездка Дэн Сяопина в Шанхай и Шэньчжэнь в начале 1992 г., так и всемерное стремление уйти с гипотетической позиции главного соперника США и Запада в целом, на которую Китай объективно выдвигался после распада Советского Союза. Симптоматично, что именно в 1992 г. КНР присоединилась к Договору о нераспространении ядер-

ного оружия, который в маоцздуновские времена жестко критиковался. Начиная со встречи глав государств и правительств — членов организации Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества в Сиэтле в 1993 г., КНР стала регулярно участвовать в ежегодных саммитах АТЭС. В целом в середине 1990-х гг. Китай принимал участие в деятельности уже 80% международных организаций⁷.

По-видимому, в этот период переломную роль в деле осознания Пекином всей важности ответственного поведения сыграли два события. Первое — это крупномасштабные военные учения в Тайваньском проливе, которые КНР провела на рубеже 1995—1996 гг., демонстрируя недовольство политическим курсом главы администрации Тайваня Ли Дэнхуэя. Практически единодушная негативная реакция мирового сообщества на эти действия явно отрезвила Пекин и заставила его задуматься о пределах использования военной силы или угрозы ее применения для достижения своих целей. Вряд ли случайно летом 1996 г. КНР присоединилась к Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний и ввела мораторий на собственные ядерные испытания. Напротив, мировое сообщество высоко оценило конструктивную позицию Китая в период азиатского финансового кризиса 1997—1998 гг., когда сохранение стабильного курса юаня и финансовая помощь КНР ряду государств Юго-Восточной Азии предотвратили развитие событий по наихудшему сценарию и позволили региону преодолеть спад производства в сжатые сроки. Ряд китайских экспертов полагает, что вопрос об идентификации Китая как “ответственной крупной страны международного сообщества” встал именно на фоне азиатского финансового кризиса. С этого времени КНР начала постепенно интегрироваться в международную систему в качестве ответственной державы, руководствуясь данной идентичностью в своей практической внешней политике⁸. Заметными вехами на этом пути стали: присоединение Китая ко Всемирной торговой организации (декабрь 2001 г.), подписание Киотского протокола (сентябрь 2002 г.), подключение, начиная со встречи в Эвиане в 2003 г., к диалогу государств “восьмерки” с крупнейшими развивающимися странами. В условиях мирового экономического кризиса 2008—2009 гг. КНР выступила как один из наиболее инициативных и влиятельных членов мировой финансовой “двадцатки”, то есть группы ведущих экономик мира (G-20). Как констатировала газета “Жэньминь жибао”, “как высоко ответственная крупная страна, КНР принимает активное участие в международном сотрудничестве, прилагая максимум возможных усилий с ее стороны для противодействия текущему финансовому кризису”⁹.

Определенная часть китайского экспертного сообщества до самого недавнего времени занимала **скептическую**, а то и отрицательную **позицию** по вопросу о самоидентификации КНР как ответственной державы, полагая, что данная идея имеет **западное происхождение** и что солидаризация с ней не отвечает интересам страны. При этом скептики чаще всего указывали на обнародованное в 2005 г. и получившее широкий международный резонанс пожелание заместителя госсекретаря США Р. Зеллика видеть Китай “ответственным пайщиком” (responsible stakeholder) международной системы¹⁰. Однако это было далеко не первое высказывание такого рода на Западе. Так, еще в 1995 г. министр обороны США У. Перри заявил о желании способствовать тому, чтобы политика КНР “еще больше была бы похожей на политику ответственной мировой державы”, а в 1997 г. на приеме в честь председателя КНР Цзян Цзэминя президент США Б. Клинтон одобрительно отозвался о

“важном вкладе Китая в развитие международного сообщества в качестве державы, несущей глобальную ответственность”¹¹.

Как бы то ни было, влияние Запада на выработку Китаем концепции своей международной ответственности вполне очевидно. Однако в этом нет какого-либо “первородного греха”. Во-первых, как отмечают ученые в самом Китае, многое из того, что идет с Запада, “играет активную роль в общей истории человечества”¹² — а к идее особой ответственности крупных государств за свои действия на международной арене это, на наш взгляд, относится в полной мере. Во-вторых, Китай, независимо от первоначального генезиса идеи его растущей международной ответственности, сумел обратить ее себе на пользу, сделав эффективным инструментом противодействия теориям “китайской угрозы”, неизменно сопровождающим с начала 1990-х гг. динамичный экономический рост страны и усиление ее веса в мировой политике¹³.

Немаловажно и то обстоятельство, что попытки США и Европейского союза навязать Китаю свое видение приоритетов и “требуемой” степени ответственности его внешней, а подчас и внутренней политики¹⁴ де-факто помогают Пекину формировать собственную позицию, точнее соизмерять имеющиеся возможности и принимаемые на себя обязательства, вырабатывать отвечающую национальной специфике “дорожную карту” постепенного расширения сфер и диверсификации форм реализации своей глобальной ответственности.

На наш взгляд, вопрос о первоисточнике термина “международная ответственность” применительно к Китаю имеет второстепенное значение. Ведь **выход КНР на позиции ответственной глобальной державы стал закономерным следствием развития страны** и ее полноформатного включения в мирохозяйственные связи. Китай, с одной стороны, получил весомый выигрыш от процессов глобализации и регионализации мировой экономики, развернувшихся в последнее десятилетие, а с другой, можно сказать, оказался вынужден оплатить свой “входной билет” в мировой рынок возникновением отсутствовавшей ранее глубокой взаимозависимости между ним и множеством субъектов международного сообщества. Первоочередной “производной” этой взаимозависимости и явилось осознание Китаем необходимости взять на себя определенную глобальную ответственность, то есть адаптироваться к сложившимся в мире правилам игры, действовать на мировой арене, исходя не только из собственных национальных интересов, но и учитывая интересы, озабоченности и даже прямые требования других субъектов международной жизни, причем неизбежно нарастающие вслед за ростом комплексной мощи самого Китая.

Сегодня КНР занимает первое место в мире по производству широчайшей гаммы промышленной и сельскохозяйственной продукции — от телевизоров и мобильных телефонов до стали, цемента, зерна и мяса. По абсолютному размеру ВВП страна вышла на третье место в мире, причем ее доля в мировом валовом продукте выросла с 3,9% в 2003 г. до примерно 7% в 2008 г.¹⁵ КНР занимает третье место в мире по объему внешней торговли, а по объему экспорта товаров — второе. Доля страны в мировом экспорте товаров с 5,9% в 2003 г. выросла до 8,9% в 2008 г., а в импорте — с 5,3% до 6,9%¹⁶. Бывший с конца 1970-х гг. крупным реципиентом иностранных инвестиций, Китай на глазах превращается во влиятельного экспортера капитала. В одном лишь 2008 г. его прямые зарубежные инвестиции достигли 55,9 млрд долл., в 174 странах и регионах мира уже создано свыше 12 тысяч предприятий с участием китайского капитала¹⁷, причем инвестиционная активность Пекина все заметнее ощущается даже в геогра-

фически отдаленных от него Африке и Латинской Америке. Китай во всеулышание объявил о планах создания крупного океанского глубоководного военного флота для обеспечения безопасности маршрутов транспортировки своих внешнеторговых грузов, особенно нефти.

В целом, можно сказать, роль и влияние Китая в мире уже ощутимо вышли за те ограничительные рамки его участия в международной жизни, которые были на рубеже 1980-х — 1990-х годов очерчены известным заветом Дэн Сяопина: “Хладнокровно наблюдать, исподволь укреплять свои позиции, действовать, соблюдая выдержку, держаться в тени, предпринимать некоторые действия”. Как следует из комментариев китайских экспертов, одна из основных целей Дэн Сяопина состояла в том, чтобы оберечь страну от взваливания на себя непосильной ответственности¹⁸. С той поры, однако, ситуация радикально изменилась, и в последние годы уже не только потребности обеспечения суверенитета и интересов развития страны, но и императив ее международной ответственности начинает играть заметную роль по всей внешней стратегии КНР, включая стратегии внешней политики, экономического развития и обеспечения безопасности¹⁹.

Китайские политологи-международники с конца 1990-х гг. уделяют заметное внимание разработке **концепции ответственности Китая как глобальной державы**²⁰. К этому их подталкивает как недостаточная разработанность категории ответственности крупных стран в общей теории международных отношений, так и стремление обозначить здесь свою позицию. Судя по всему, первоначальный комплекс подходов к проблеме растущей ответственности Китая уже определился. Наибольшего внимания заслуживают следующие моменты.

Исходным пунктом поворота Китая к идее ответственности явилось четкое осознание того обстоятельства, что в реальной жизни повышение места и значения страны в международных отношениях далеко не полностью зависит от ее собственного желания и растущей мощи, но и во многом выступает результатом взаимодействия государственных интересов КНР и ожиданий от нее мирового сообщества.

Соответственно, именно вокруг связки “национальные интересы — интересы мирового сообщества” выстроено общее определение понятия “ответственности”. По мнению ведущего китайского политолога-международника Ван Ичжоу принятие Китаем соответствующей его возможностям международной ответственности означает поступательное увеличение вклада и степени участия страны в региональной и глобальной деятельности, с тем чтобы укрепление Китая и рост самосознания китайского народа постепенно превратились в источник нового прогресса и развития всего мирового сообщества²¹. Как подчеркивает профессор Янь Шэнъи из Фуданьского университета (Шанхай), Китай “не может просто пользоваться плодами международной безопасности и процветания, но он должен... нести соответствующую его силам ответственность за обеспечение международной безопасности и порядка, не только защищать интересы своей страны, но и учитывать и защищать интересы других стран”, “сочетать коренные интересы страны и общие интересы человечества”²². Безусловно, констатации такого рода чрезвычайно важны. Однако и в данном случае безоговорочный приоритет все же отдается “защите государственного суверенитета, безопасности и интересов развития” самого Китая²³.

Весьма распространенной среди китайских экспертов является достаточно скромная оценка роли Китая в мировых делах на текущий момент. Так, по общему выражению Янь Шэнъи, Китай “зачастую пока все еще зритель, а не

актер и тем более не режиссер”, его предложения по совершенствованию мирового порядка сводятся, как правило, к формулированию тех или иных принципов, тогда как предложений конкретного характера мало²⁴. Сходного мнения придерживается и Ван Ичжоу, полагающий, что Китай пока дал миру немного “международных продуктов”, т.е. проектов договоров, конвенций и т.п., которые были бы приняты на вооружение международным сообществом²⁵.

Отсюда вполне логично следует всемерное подчеркивание ограниченного масштаба ответственности, принимаемой сегодня на себя Китаем. Это аргументируется прежде всего необходимостью для страны действовать “соразмерно имеющимся силам”, ведь Китай по ВВП на душу населения находится за пределами первой мировой сотни. Не меньшую роль играет и озабоченность Пекина тем, что те или иные форматы ответственности, навязанные стране извне, могут помешать ее развитию. Поэтому китайские эксперты предлагают “создать механизм справедливого распределения международной ответственности между различными державами в увязке с факторами уровня их развития, комплексной мощи, исторической ответственности”²⁶.

С одной стороны, стремление играть большую роль в мире, а с другой — очевидная нерешительность при принятии на себя адекватных растущей мощи конкретных международных обязательств предопределяет известную двойственность, противоречивость позиционирования себя Китаем в нынешней системе международных отношений. Пекин громогласно заявляет, что он поддерживает сложившийся мировой порядок и не собирается угрожать ему и тем более выступать в качестве его сокрушителя, что он, вступая в многочисленные международные организации, принимает на себя существующие в международных механизмах ограничения и рестрикции²⁷, — и практически без всякой паузы тут же провозглашает намерение “продвигать международный порядок в более справедливом и рациональном направлении”²⁸, “способствовать его переформатированию в справедливый, многосторонний демократический порядок нового типа”²⁹. Вместе с тем, пути создания нового мирового порядка Пекин видит не в войнах и революциях, а в содействии безопасности и развитию всех государств мира, в преодолении бедности, в универсальном следовании принципам добрососедства и сотрудничества.

Некоторая противоречивость наблюдается и в вопросе о приоритетной зоне ответственности Китая, то есть о том, рассматривает ли себя КНР как пока только азиатскую державу или уже как глобальную. В 2003 г. Ван Ичжоу однозначно констатировал, что “глобальная ответственность... является для Китая сравнительно долгосрочной перспективой”, и что главной для него на текущем этапе выступает ответственность как “важной региональной державы Азиатско-Тихоокеанского региона”. Успешное содействие в этом качестве общей стабильности ситуации и укреплению доверия и сотрудничества в регионе, проявление творческого подхода для нейтрализации имеющихся в АТР очагов потенциальных конфликтов послужили бы, считал Ван Ичжоу, “пробным камнем” для вхождения Китая в мировую элиту с соответствующим изменением масштаба и расширением сфер его ответственности³⁰. Спустя пять-шесть лет, за которые объем ВВП Китая вырос более чем в полтора раза, а внешнеторговый товарооборот — втрое, страна по-прежнему ставит в качестве первоочередной задачу “быть одной из главных движущих сил региональной системы”³¹. Однако теперь она, похоже, готова замахнуться и на большее: стать “ответственной активной держа-

вой”, о чем, по мнению китайских экспертов, свидетельствует выдвижение руководством КНР стратегии “мирного возвышения” страны³².

В целом, на наш взгляд, Китай ориентируется на поступательное наращивание своей международной ответственности в целях укрепления региональных и глобальных позиций страны и улучшения ее образа в мире. Одновременно Пекин четко дает понять, что он намерен выстраивать этот процесс собственным темпом, строго соизмеряя бремя принимаемой на себя ответственности со своими возможностями и интересами, и что он не поддастся на попытки заставить его, образно говоря, таскать каштаны из огня для чужого дяди.

Пекин также утверждает, что признание им своей растущей ответственности за состояние миропорядка и решение ряда глобальных проблем не тождественно претензиям на ведущую роль и тем более гегемонию в мировых делах. Поскольку и за ответственность, и особенно за руководящие позиции в мире надо платить немалую цену, то Китаю, как констатировала сингапурская газета “Ляньхэ цзаобао”, “еще рано бороться за международное лидерство”³³.

Концептуальное видение Китаем его растущей глобальной ответственности в большей или меньшей степени реализуется в его практической деятельности на международной арене. Как полагает американский китаевед Сюзан Ширк, в китайский “рецепт обретения репутации ответственного игрока на международной арене” входят три компонента: выстраивание взаимно удовлетворяющих отношений с соседними государствами; выступление в роли командного игрока в международных организациях и использование экономических связей для установления дружественных отношений с различными странами³⁴.

К настоящему времени статус Китая как ответственной глобальной державы наиболее выпукло проявился в таких сферах, как работа в ведущих международных организациях и обеспечение международной безопасности, функционирование мирового хозяйства, противодействие глобальным изменениям климата. По каждому из этих направлений, заслуживающих отдельного анализа, наработано внушительное “досье” практических дел и конкретных обязательств Китая. Упомянем для наглядности лишь отдельные важные моменты:

— 6 августа 2002 г. КНР обнародовала новую концепцию безопасности, акцентирующую внимание на обеспечении комплексной безопасности всех стран мира. Ее сердцевиной стал призыв к отказу от так называемых “игр с нулевой суммой”, предполагающих обеспечение собственной безопасности за счет безопасности других стран, и предложение искать путь к безопасности через диалог и сотрудничество, через достижение обоюдного или многостороннего выигрыша;

— КНР последовательно выступает за всеобщее ядерное разоружение, неизменно декларирует принцип неприменения первой ядерного оружия и его абсолютного неприменения против неядерных государств и безъядерных зон. Пекин играет незаменимую роль в усилиях мирового сообщества по обеспечению денуклеаризации Корейского полуострова;

— широкое признание снискало участие китайского контингента в миротворческих операциях в Восточном Тиморе и в Судане (Дарфур), в других странах и регионах мира.

— КНР проделала огромную работу по адаптации национального законодательства к правилам ВТО и последовательно выполняет свои обязательства перед ВТО по снижению уровня таможенных тарифов и обеспечению свободного доступа иностранного бизнеса на свой рынок товаров и услуг;

— КНР вносит существенный вклад в развитие регионального экономического сотрудничества в таких форматах, как АСЕАН плюс один (Китай) и АСЕАН плюс три (Китай, Республика Корея, Япония), Шанхайская организация сотрудничества, Восточноазиатский центр мировой экономики (Китай, Япония, Республика Корея), а также в работу формирующихся структур Россия — Индия — Китай и Бразилия — Россия — Индия — Китай;

— Китай последовательно выполняет свои обязательства по помощи развивающимся странам, включая списание большей части задолженности беднейших развивающихся стран перед ним;

— как и в период азиатского финансового кризиса 1997—1998 гг., Китай играет конструктивную роль в противодействии мировому экономическому кризису, начавшемуся во второй половине 2008 г. КНР одной из первых обнародовала масштабную программу антикризисных мер, стимулировавшую рост внутреннего инвестиционного и потребительского спроса, и тем самым оказала поддержку производителям не только в самом Китае, но и во многих других государствах мира;

— Китай, являющийся наряду с США одним из двух крупнейших эмитентов парниковых газов в атмосферу, отстаивает в борьбе с глобальным потеплением принцип “общей, но дифференцированной ответственности”. Обнародовав в 2008 г. специальную Белую книгу правительства по противодействию изменению климата, КНР ныне детально изучает возможности развития в стране низкоуглеродной экономики и самого широкого использования нетрадиционных источников энергии, ведет интенсивный международный диалог по всему взаимосвязанному кругу проблем развития энергетики, защиты окружающей среды и минимизации антропогенного воздействия на климат.

В целом, на наш взгляд, КНР завершила первоначальную адаптацию к своему статусу ответственной глобальной державы.

Дальнейшее продвижение Китая по пути расширения сфер и наращивания своей глобальной ответственности будет определяться в первую очередь такими внутренними факторами, как социально-экономическое благополучие страны, вызревание институтов гражданского общества и стимулируемое им перемещение правочеловеческой проблематики из нынешнего периферийного положения в центр системы национальных ценностей, осознание элитой, бизнес-сообществом и населением жесткой необходимости выхода на предельно экологичное функционирование национальной экономики и общества не просто на длительную перспективу, а, можно сказать, навсегда.

Многое будет определять и та или иная реакция международного сообщества на внутри- и внешнеполитический курс КНР, его внешнеэкономическую политику и прежде всего на усиление позиций Китая в мире в целом. Эта реакция, надо сказать, весьма противоречива. Ведущий мировой еженедельник “Economist”, издающийся в Лондоне, неоднократно высказывал точку зрения, будто КНР пока берет на себя меньшую долю ответственности за глобальные дела, чем могла бы и должна взять в соответствии с ее весом в мировой экономике и торговле. В марте 2009 г. журнал заявил, что Китай все еще “продолжает действовать как малая страна с незначительным влиянием на глобальную систему и поэтому несущая незначительную ответственность за нее”³⁵. Практически тот же смысл был отражен и в заголовке одной из статей журнала, посвященных 60-летию КНР: “Мир согласился с тем, что Китай является растущей великой державой; к сожалению, он не всегда действует сообразно этому статусу”³⁶.

Существует, однако, и иная крайность. Настороженные возросшей военной и экономической мощью Пекина и его уверенностью в ведении международных дел, некоторые западные эксперты настаивают на неготовности Китая к глобальной роли, поскольку, дескать, “экономическая значимость не трансформируется автоматически в геополитический вес. А в случае с Китаем другие важные компоненты подлинно глобальной мощи — моральный авторитет, военная состоятельность, культурное влияние... — либо находятся в стадии формирования, либо вовсе отсутствуют”. Утверждается также, что глобальные амбиции Китая не могут быть реализованы “без решения таких сковывающих страну проблем, как широкое распространение бедности, авторитарное правление, придавленная десятилетиями изоляции культура и плохо понимаемые намерения”³⁷.

Давление на Пекин извне по вопросам глобальной ответственности отражает не только его собственные недоработки, но и скептическое отношение Запада к заверениям Китая о его сугубо мирном возвышении, опасения, что “каждый успех Китая наносит удар по главенству западной модели в мире”³⁸.

В этой ситуации Китай стремится уйти с потенциальной позиции крупного узла современных международных противоречий, пытается уменьшить сопротивление внешнего мира подъему страны. Особые надежды в данном плане возлагаются на концепцию “гармоничного мира”, которая, как декларируют в Пекине, едина по своему духу с Уставом ООН, развивает и обогащает его и вполне может претендовать на роль общего ориентира международных отношений в XXI веке³⁹. Одновременно Китай настраивается на прагматичную работу с такой новой для себя реальностью, каковой стал его статус ответственной глобальной державы. Как справедливо констатировал вице-президент Китайского института международных проблем при Министерстве иностранных дел КНР Сюй Цзянь, Китаю следует трезво и рационально относиться к теме своей ответственности, воздерживаясь от чрезмерного оптимизма по поводу ее позитивных аспектов и от чрезмерной обеспокоенности по поводу аспектов негативных. Исходя из своих реальных возможностей, из собственных фундаментальных интересов и общих интересов международного сообщества, Китай должен нести свою ответственность и отстаивать свои права в мире достаточно энергично и вместе с тем осторожно⁴⁰.

В настоящее время нет смысла пытаться предугадать те или иные нюансы и конкретные детали дальнейшего движения Китая по нелегкому пути укрепления своего статуса ответственной глобальной державы. Но оптимальный вектор этого движения проглядывает уже сегодня: он, на наш взгляд, состоит в том, чтобы от нынешней, пока еще ограниченной ответственности шаг за шагом идти к ответственному самоограничению во все новых и новых сферах. А это возможно только в том случае, если в схожем алгоритме будут действовать и все другие ведущие державы мира.

-
1. В изданном в 1999 г. сборнике “Дипломатия Китая” констатировалось, что “образ Китая как миролюбивой, нацеленной на сотрудничество, ответственной державы с каждым днем становится все более зримым”. Цит. по: Ху Шусян (гл. ред.) Чжунго вайцяо юй гоцзи фачжань чжаньлюэ яньцзю [Дипломатия Китая и международная стратегия развития]. Пекин, 2009. С. 175-176.
 2. Глава МИД КНР о результатах участия Ху Цзиньтао в саммитах ООН и 3-м финансовом саммите “Группы 20”. — http://paper.people.com.cn/rmrb/html/2009-09/27/content_351342.htm.

3. *Ян Цзечи*. Хунъян синь Чжунго вайцзяо юсю чуаньтун цзохао синь синши ся дэ вай цзяо гунцзо [Следуя лучшим традициям дипломатии Нового Китая, надлежащим образом вести дипломатическую работу в новой ситуации] // Жэньминь жибао. 2009. 5 сент.
4. *Tang Yongsheng*. China's Participation in UN Peacekeeping Regime // Construction Within Contradiction — Multiple Perspective on the Relationship Between China and International Organizations. Beijing, 2003. P. 74.
5. *Янь Шэньи*. Дандай Чжунго вайцзяо (ди эр бань) [Современные международные отношения Китая]. 2-е изд. Шанхай. 2009. С. 340–341.
6. Там же. С. 339.
7. Чжунго вайцзяо юй гоцзи фачжань чжаньлюэ яньцзю [Дипломатия Китая и международная стратегия развития]. Пекин, 2009. С. 182.
8. Там же. С. 247.
9. China to bolster image as a responsible big nation // People's Daily online. 2009. 31 March.
10. *Zoellick R.* Whither China: From Membership to Responsibility? Remarks to National Committee on US — China Relations., 2005. 21 Sept. Цит. по: *Niu Haibin*. China's International Responsibility Examined // Contemporary International Relations. Beijing. 2007. July/August. P. 82.
11. Чжунго вайцзяо юй гоцзи фачжэнь чжаньлюэ яньцзю. С. 183, 181.
12. *Ван Ичжоу*. Чжунго вайцзяо синь гаоди [Новые высоты дипломатии Китая]. Пекин, 2008. С. 133.
13. Детальный перечень различных вариаций теории “китайской угрозы” за период 1990—2002 гг. приведен в написанной Юн Дэном (Yong Deng) главе “Репутация и дилемма безопасности — реакция Китая на теорию китайской угрозы” в монографии “Новые направления в изучении внешней политики Китая” (New Directions in the Study of China's Foreign Policy. Stanford, 2006. P. 191–195).
14. Как отмечает сотрудник Шанхайского Института международных исследований Ню Хайбинь, с точки зрения США ответственность Китая должна включать такие сферы, как ускорение политической реформы, более сильная защита прав интеллектуальной собственности, меньший контроль над обменным курсом юаня, более высокую прозрачность военного бюджета, более крупный взнос в ООН. Европейский Союз в обнародованном в 2006 г. документе “ЕС—Китай: более тесное партнерство, растущая ответственность” в качестве приоритетных выделены проблемы изменения климата, прав человека, торговой политики, помощи беднейшим странам (*Niu Haibin*. Op. cit. P. 82.)
15. Данные Международного валютного фонда и расчет по ним (World Economic Outlook Database. April 2009 Edition). Доля Китая в мировом валовом продукте при расчетах по паритету покупательной способности национальных валют составила в 2008 г. 11,38% — второе место в мире вслед за США (20,7%).
16. Данные Всемирной торговой организации. См.: О некоторых тенденциях в развитии международной торговли на современном этапе. Ч. 1. //Бюллетень иностранной коммерческой информации. М., 2009. 23 апр. С. 16.
17. Китай форсирует участие в международном инвестиционном сотрудничестве // Агентство Синьхуа. 2009. 8 окт.
18. *Ху Шусян*. Указ. соч. С. 62–63.
19. *Ван Ичжоу*. Цюаньцзю чжэньчжи хэ Чжунго вайцзяо [Глобальная политика и внешнеполитический курс Китая]. Пекин, 2003. С. 317.
20. По-видимому, впервые сам этот термин прозвучал в конце 1999 г. в статье заместителя директора Института мировой политики и экономики Академии общественных наук Китая Ван Ичжоу “Китайская дипломатия перед лицом XXI века: три императива и баланс между ними”, опубликованной в журнале “Стратегия и управление” (*Ван Ичжоу* Мянъян 21 шицзи дэ Чжунго вайцзяо: саньчжун сюйцзю дэ чжаоцзю цзи ци пинхэн / (Чжаньлюэ юй гуаньли, Пекин, 1999. № 6. С. 18–27.
21. *Ван Ичжоу*. Чжунго вайцзяо синь гаоди. С. 28.

22. *Янь Шэнъи*. Дандай Чжунго вайцзяо (ди эр бань). С. 344, 386.
23. По словам министра иностранных дел КНР Ян Цзечи, “защита государственного суверенитета, безопасности и интересов развития представляет собой исходный и конечный пункт” внешнеполитической деятельности Китая. (Жэньминь жибао. 2009. 5 сент.) Практически слово в слово эта же идея прозвучала несколько ранее и в монографии Янь Шэнъи: “предпосылкой принятия на себя международной ответственности является нанесение ущерба собственному суверенитету, безопасности и развитию” (*Янь Шэнъи*. Указ. соч. С. 386).
24. *Янь Шэнъи*. Указ. соч. С. 344.
25. *Ван Ичжоу*. Чжунго вайцзяо синь гаоди. С. 61.
26. *Янь Шэнъи*. Указ. соч. С. 386.
27. Там же. С. 343.
28. *Ху Шусян*. Указ. соч. С. 247.
29. *Янь Шэнъи*. Указ. соч. С. 344.
30. *Ван Ичжоу*. Цюаньцю чжэнчжи хэ Чжунго вайцзяо. С. 320-321.
31. *Янь Шэнъи*. Указ. соч. С. 344.
32. *Ху Шусян*. Указ. соч. С. 299.
33. Ляньхэ цзаобао. Сингапур. 07.04.2009. Цит. по: [http://world.people.com.cn/ GB/9088294.html](http://world.people.com.cn/GB/9088294.html).
34. *Shirk S.* China: Fragile Superpower. Oxford, 2007. P. 109.
35. The Economist. London, 2009, 21-27 March. P. 30.
36. The World has accepted that China is emerging as a great power; it is such a pity that it still does not always act as one. — <http://www/economist.com/PrinterFriendly.cfm?storyid=14548871>.
37. *Wines M., Wong. E.* An Unsure China Steps On to the Global Stage //The New York Times, April 2, 2009.
38. *Янь Шэнъи*. Указ. соч. С. 385.
39. *Ху Шусян*. Указ. соч. С. 333-335.
40. *Xu Jian.* Theoretical Reflections on Building a Harmonious World //China International Studies. Beijing. Spring 2007. P. 46.